

Взятие города Кошице

Новогоднее утро, как и полагается, принесло новость: 159-й укрепленный район выходил из состава 40-й армии. Отчасти это объяснялось изменением разграничительной линии между наступавшими войсками, в результате которого, например, занятый нами участок включался в полосу 4-го Украинского фронта. Вместе с тем командованию последнего батальоны нашего укрепленного района нужны были в связи с подготовкой операции по освобождению Кошице.

Старинный город Кошице — один из красивейших в Словакии. Он раскинулся высоко в горах, поросших лесом. К северу от него — гранитные скалы Высоких Татр, на юго-западе — Рудные горы.

Но не красота и седая старина привлекли сюда немецко-фашистских захватчиков. Кошице — крупный административный и культурный центр Словакии, важный узел железных дорог, связывающих Советский Союз, Венгрию, Польшу, Чехословакию. И еще это — ворота в глубь Словакии, в горы, куда гитлеровцы перебазировали из Германии часть своей военной промышленности, чтобы укрыть ее от бомбардировок.

Стягивая в район Кошице крупные силы, немецкое командование стремилось во что бы то ни стало удержать этот горный плацдарм.

Надо сказать, что противник опирался на мощный оборонительный рубеж, подготовленный к длительной обороне. Он также владел командными высотами. Наконец, очень невыгодной для наступления была местность, окружавшая Кошице, — горная, покрытая сплошными лесами. Все это и послужило объяснением неудачи, которой окончились две попытки наступления, предпринятые в середине и в конце декабря 1944 г. частями, входившими в состав 4-го Украинского фронта.

Они хотели овладеть городом Кошице, обойдя его с севера. Но 3-й горнострелковый корпус смог лишь прорвать первую оборонительную полосу противника и разгромить его опорные пункты в Бачкове и Даргове, после чего наступление замедлилось и вскоре приостановилось. Ни к чему не привели и усилия командования корпуса, направленные к тому, чтобы развить первоначальный успех, взаимодействуя с другими соединениями армии.

Столь же неудачным было наступление 18-й армии, которая пробовала 24 декабря пробиться от селения Сенья прямо на Кошице.

К началу января командование 4-го Украинского фронта приняло решение создать в составе 18-й армии сильную ударную группу, которая должна была наступать со стороны города Мишколц. Ей предстояло обойти Кошице с запада и выйти в тыл вражеской группировки, оборонявшей этот плацдарм. Поскольку же формирование ударной группы потребовало дополнительных войск, 159-му укрепленному району было приказано силами семи пулеметно-артиллерийских батальонов занять новый рубеж, сменив части четырех дивизий — 2-й гвардейской, 24-й, 237-й и 138-й стрелковых.

Перегрушировку нужно было провести скрытно, незаметно для врага. Поэтому мы могли менять стрелковые части только ночью. И все же высвободили их очень быстро — к утру 3 января.

Перед выходом на новый рубеж войскам укрепрайона была объявлена благодарность Военного совета 40-й армии. В его приказе от 2 января говорилось:

«... В непрерывных наступательных боях рядовой, сержантский и офицерский состав 159-го Днестровского ордена Богдана Хмельницкого укрепленного района показал высокие образцы героизма и воинского мастерства, громя и уничтожая врагов нашей Родины на самых ответственных участках пути наступления армии. Начав бой с рубежа реки Горный Тикич, в трудных условиях он форсировал водные преграды — реки Буг, Днестр, Прут, Сирет, Сучаву, Молдову, Бистрицу, Сомешул, Мурешул, Тису, Бодрог, Хернад, особенно отличился в боях за Карпаты и Трансильванию...»¹

Так расстались мы с 40-й армией, с которой прошли славный боевой путь от Днепра по правобережной Украине, по румынским и венгерским землям. Теперь нам предстояло освободить Чехословакию в составе 18-й армии 4-го Украинского фронта.

Новый рубеж 159-го укрепрайона проходил в горах к юго-востоку от Кошице. Он тянулся более чем на 35 километров от селения Керестур до Сенья². Хотя смена войск была произведена

¹ Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 345881, д. 1, л. 13.

² Архив МО СССР, ф. 371, оп. 6367, д. 528, лл. 10—13.

Перед боем в горах Чехословакии (январь 1945 г.)

скрытно, все же противник, по-видимому, что-то «учуял». Об этом свидетельствовало усиление его разведывательных действий.

Не прекращались попытки взять у нас «языка». Однако в этом намерении противник успеха не достиг.

Так, рано утром 4 января два немецких взвода атаковали огневые точки на участке первой роты 496-го батальона, намереваясь окружить одну из них. Ближе всех оказался рядовой Мартынюк, вооруженный ручным пулеметом. К нему они и попытались подобраться, но не тут-то было. Мартынюк зорко следил за подкрадывающимися фашистами. Подпустив их на 20—30 метров, он меткой очередью уничтожил часть нападавших, а тех, кто уцелел, бойцы закидали гранатами.

Часа через два фашисты повторили попытку захвата «языка», атаковав другую огневую точку. На этот раз их встретил огнем станкового пулемета младший сержант Ежов. Двое гитлеровцев были убиты, остальные откатились.

Но и на этом дело не кончилось. Вскоре вражеская рота атаковала взвод младшего лейтенанта Квасневского. Забросав его гранатами, фашисты стремились захватить в плен хотя бы одного советского воина, пусть даже раненого. Но их вновь постигла неудача: взвод успешно отбил и эту атаку.

Так было каждый день. Иногда немцам удавалось даже блокировать наши отдельные подразделения. Например, в темную ненастную ночь на 10 января они окружили взвод 496-го батальона, но подоспевшая резервная рота заставила их отступить. На поле боя осталось десять убитых фашистов, сраженных пуле-

метчиком старшим сержантом Епифановым. Сам он был тяжело ранен, но продолжал вести огонь по врагу, пока тот не обратился в бегство.

Стойкость и бесстрашие в бою — эти качества стали общими для всех наших бойцов. И они блестяще проявились в эти беспокойные ночи, когда враг все упорнее стремился хоть где-нибудь заставить нас врасплох.

Отважно действовал окруженный группой гитлеровцев сержант второй роты 496-го батальона комсомолец пулеметчик Кулимбаев. Фашисты убили его напарника, гранатой разбили пулемет. Все теснее сжималось кольцо врагов. Они кричали: «Рус, сдавайся!» Но Кулимбаев с гранатами в руках рванулся вперед. Раздалось несколько взрывов. Фашисты метнулись в разные стороны. Прокочив окружение, Кулимбаев вскоре добрался до своих.

Отчаявшись добиться своей цели силой, вражеское командование пустилось на хитрость. За «языком» была послана группа, имевшая в своем составе разведчика, говорившего по-русски. В ночь на 14 января пулеметчики Савчук и Тарашняк, занимавшие позицию у ручья на участке третьей роты 20-го батальона, услышали подозрительный шорох.

— Кто идет? — крикнул Савчук.

В ответ послышалась ругань, как говорится, на чистом русском языке. Затем тот же резкий голос приказал:

— А ну, проводите меня через ручей, самому тут не пройти... Своего лейтенанта не узнаете, что ли?

Савчук и Тарашняк переглянулись, как бы спрашивая друг друга: что бы это означало? А в это время их сосед рядовой Клименко предостерегающе крикнул:

— Поберегись! То фашисты...

И развернул свой ручной пулемет в сторону подкрававшихся врагов. Но больше он ничего сделать не успел. В него полетели гранаты, и одной из них он был убит. Но теперь и Савчук с Тарашняком развернули свой пулемет. Меткий огонь заставил вражескую разведку ретироваться, даже не подобрав своих убитых.

Так не помогли фашистам и их «специалисты».

Между тем и нас интересовали сведения о противнике. Они нужны были не только штабу укрепленного района, их ждало от нас и командование 18-й армии, готовившееся к наступлению. Причем поскольку о наших разведчиках ходила добрая слава, то и спрос с них был немалый.

В укрепрайоне действительно выросли замечательные разведчики, умело действовавшие и на переднем крае противника, и у него в тылу. Такие рейды проводились не только разведротой укрепленного района, но и разведывательными взводами батальонов. А так как они действовали поочередно, то разведка во

вражеском тылу была непрерывной: один взвод возвращался, другой уходил.

Их рейды были весьма успешными. Еще на предыдущих рубежах, например, разведывательный взвод 20-го батальона с 24 ноября по 24 декабря четыре раза проникал в тыл врага. За этот месяц он не только добыл ценные сведения, но и вывел из строя четыре моста, которыми пользовался противник, и захватил в плен 112 немецких солдат и унтер-офицеров. Душой взвода, его лучшими разведчиками были коммунисты Гришанов, Антропов, Кашин и Краснов.

На новом рубеже нам пришлось особенно тщательно изучать врага. Мы должны были знать не только его расположение и силы, но и намерения фашистского командования. Такая задача вытекала из особенностей обстановки на нашем участке, проходившем по долине реки Хернад.

Эта долина была очень удобной для действий подвижных войск — танковых и механизированных. Естественно, что по ней можно было наступать не только со стороны Мишкольца на Кошице, но и... в обратном направлении. Иначе говоря, ею мог бы воспользоваться противник для нанесения удара от Кошице на Мишколец и далее на Дебрецен. Вероятность такой попытки не исключалась, так как немецкое командование продолжало сосредоточивать крупные силы на кошицком плацдарме.

Войска нашего укрепленного района в этом случае первыми испытывали бы на себе удар противника, нацеленный на юг. В то же время он грозил сорвать наступление ударной группы 18-й армии. Поэтому одной из главных задач нашей разведки и являлось выяснение намерений врага.

Не могу не подчеркнуть, что огромную, неоценимую помощь в этом оказывало нам местное население. Большинство его составляли словаки.

Да, мы находились уже в южной части Словакии. И хотя Гитлер еще до войны «подарил» ее хортистской Венгрии, однако оккупантам так и не удалось добиться от свободолюбивого словацкого народа покорности.

Господство венгерских фашистов над этой частью Словакии оставило тяжкий след. Здесь, как и на всех захваченных хортистами землях, проводилась политика особенно жестокой эксплуатации трудящихся, оказавшихся под двойным гнетом. Словаки, работавшие по найму, получали меньшую зарплату, а налог платили в полтора — два раза больший, чем венгры. У словацких крестьян было отобрано свыше половины принадлежавших им земель.

Словацкий народ не покорился угнетателям. Провалились и их попытки использовать его в войне против СССР. Солдаты и офицеры словацкой армии, попадая на фронт, целыми подразделениями переходили на сторону советских войск, вступали в пар-

тизанские отряды. Под руководством чехословацких коммунистов партизанское движение приняло огромный размах. Оно вылилось в известное словацкое восстание, вспыхнувшее в августе 1944 г.

Партизаны тогда развернули массовую вооруженную борьбу против фашистских правителей страны, заняли многие города и села. Восстание охватило две трети территории Словакии, в том числе и районы, непосредственно прилегавшие к нынешнему нашему рубежу.

Этим в значительной мере и объяснялось усиление концентрации немецко-фашистских войск в Словакии, которые немедленно оккупировали ее с целью борьбы с партизанами. Повстанческая армия, против которой были брошены крупные силы, оказалась в тяжелом положении.

Его отчасти облегчила в сентябре-октябре Карпатско-Дуклинская операция 38-й армии 1-го Украинского фронта. Она была проведена совместно с Чехословацким корпусом и сыграла большую роль в укреплении чехословацко-советского братства по оружию. В ходе этой операции наши войска в упорных боях с противником, непрерывно подбрасывавшим крупные подкрепления, овладели Дуклинским перевалом Главного Карпатского хребта и вступили на словацкую землю.

38-й армии не удалось полностью выполнить задачу и соединиться с партизанами Словакии. Однако ее наступление в известной мере улучшило их положение, так как немецкое командование вынуждено было перебросить из районов восстания довольно значительную часть своих войск. В последующие месяцы оно вновь усилило нажим на партизан, но так и не сумело справиться с ними.

К тому времени, когда 18-я армия готовила наступление на Кошице силами своей ударной группы, в тылу у противника, в основном на склонах гор, активно действовали десятки отрядов и несколько крупных соединений словацких партизан. Только в декабре они за три недели взорвали сорок немецких воинских эшелонов, уничтожили свыше пяти тысяч солдат и офицеров и несколько десятков танков противника¹.

Коммунисты были душой антифашистской борьбы и в той части Словакии, которая примыкала к венгерской границе. Широкую подпольную деятельность вели коммунистические организации в городах Кошице, Нове-Замки, Лученец, Рожнява. Наиболее активным был Кошицкий партийный центр, руководивший борьбой против оккупантов во многих окрестных селах.

Об этом рассказали нам словацкие коммунисты в селах, расположенных в занятой войсками укрепрайона полосе.

¹ См.: «*Otárky národní a demokraticke revoluce v CSR. Sborník*». Praha, 1955, str. 72.

Среди встречавших нас жителей селения Сенья были коммунисты Иозеф Хрицко, Стефан Судружки, Павел Вайда, Миколай Вигнанец, Штефан Этрик, Михаил Чиелко и другие. Руководитель организации Иозеф Хрицко пригласил меня и начальника политотдела Н. Н. Калининна к себе домой и показал реликвии, которые он долгие годы хранил в тайнике.

Прежде всего он развернул красное знамя с любовно вышитой эмблемой, изображавшей рабочего и крестьянина. Вышитыми были и надписи на словацком языке: на одной стороне знамени — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», на другой — «Коммунистическая организация села Сенья»¹. В тайнике у Хрицко было и несколько брошюр, нелегально изданных в Братиславе и Моравской Остраве: «Решения VII конгресса Коминтерна», «Программа Коммунистической партии Чехословакии», «Рабочие против фашизма» и другие. С волнением слушали мы рассказ старого словацкого коммуниста.

Оказалось, что коммунистическая организация в селе возникла еще в 1920 г. Вскоре ее загнали в подполье, а Иозеф Хрицко попал в тюрьму. Год спустя он возвратился и вновь был избран руководителем организации, которая не прекращала своей деятельности, несмотря на репрессии. Еще труднее стало в годы господства хортистов, а особенно в последнее время, когда в Словакию нахлынули отступавшие под натиском Советской Армии немецко-фашистские войска. Но и тогда, в условиях жестокого террора, коммунисты продолжали бороться всеми доступными им средствами.

— Труднее стало, но и ... легче, — с улыбкой говорил Хрицко. — Ведь мы тайком слушали радио и знали об успехах Советской Армии. Оттого и легче нам было. Видели, что не зря мы верили в великую силу ленинских идей, в мощь Советской России, в ее победу над фашизмом... Ну, а то, что мы узнавали, ясное дело, сразу же становилось известно всем в селе. — Он опять радостно улыбнулся: — Вот так и дождались счастливого дня — прихода Советской Армии. Теперь помогать вам будем...

Этот разговор происходил сразу же после восторженной встречи, оказанной населением Сеньи нашим войскам, вступившим в тот день в село. Мне тогда пришлось говорить со многими местными жителями, в том числе с крестьянами Кузьмой Юлусом, Эдуардом Пожаком, учительницей Маргаритой Патай, учителем Франтишеком Эгри и многими другими.

Помню, меня удивило, что все они довольно хорошо осведомлены и об известном советско-чехословацком соглашении, и об успехах советских войск, и даже о действиях Чехословацкого

¹ В настоящее время это знамя хранится в музее г. Кошице.

корпуса, созданного в СССР. Одного они не знали: от кого шли по селу эти вести. Теперь, беседуя с Хрицко, я получил ответ на этот вопрос: от коммунистов.

Да, горстка коммунистов, к тому же действовавших в условиях подполья, оказалась такой мощной силой, что против нее были бессильны фашисты со всем своим аппаратом подавления. Жители села рассказали нам, что гитлеровское командование, готовясь к отступлению, издало приказ, требовавший явки всех мужчин от 18 до 42 лет на сборные пункты для эвакуации. Никто не пришел. Тогда срок явки был продлен, причем фашисты решили воздействовать еще и клеветой на Советскую Армию: она, мол, не падит никого. Но и после этого на сборные пункты явилось лишь несколько человек.

Так благодаря своим односельчанам-коммунистам большинство жителей Сеньи не дали себя обмануть. Они предпочли уйти в горы и вернулись лишь с приходом Советской Армии. Подобно Иозефу Хрицко, многие из них сразу же вызвались помогать нашим войскам. И так было не только в Сенье, но и во всех окрестных селах.

В результате у нас появились сотни действительно очень хороших помощников. Зная все тропки в горах, они доставляли бойцам на передний край боеприпасы и пищу, выносили в тыл раненых, были отличными проводниками, добывали ценные сведения о противнике.

Особенно важной была помощь местного населения нашим разведчикам.

В те дни, в первой половине января, мы усиленно засылали в глубину вражеского расположения лазутчиков с радиостанциями. Они изучали тылы противника, движение его резервов, отмечали смену частей. Группы поиска делали то же самое на переднем крае, заодно прощупывая расположение огневых точек врага, захватывали «языка».

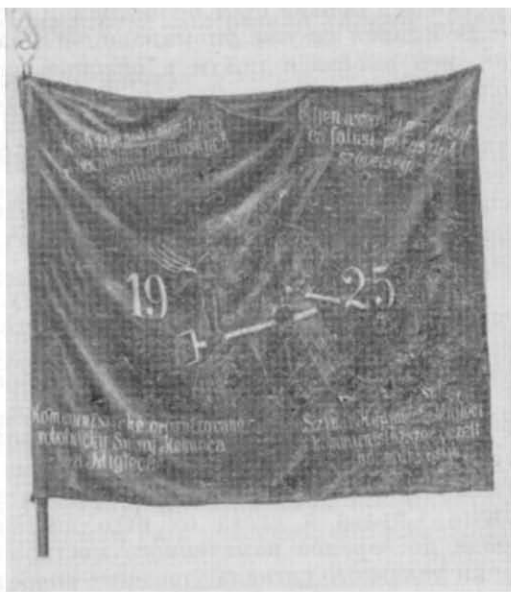
Как нельзя лучше пригодилась помощь местных крестьян. Многие из них имели родственников и друзей в селах, находившихся в тылу противника, и не только направляли наших разведчиков к верным людям, но часто и сами шли туда проводниками.

Легко представить, насколько трудно было организовать такую разведку на новом месте, в незнакомых условиях. Особенно на первых порах. И тут-то нас выручил дед Зенько.

Со старым словацким крестьянином меня познакомил 4 января коммунист Юрий Велес из соседнего селения Мислава. Велес состоял в партии с 1935 г. и, подобно Иозефу Хрицко, возглавлял сельскую ячейку. Она была невелика и насчитывала всего четыре человека, но в течение долгих лет была вожаком антифашистской борьбы в своем селе. Коммунисты срывали мероприятия оккупантов, наладили связь с партизанами. Ячейка

Знамя подпольной коммунистической организации словацкого села Сенья

имела прочную опору среди крестьян Миславы, а также соседних сел.

Одним из лучших ее помощников и был дед Зенько. Его родное село Олшовяны было расположено за линией фронта, но это не мешало старому горцу пробираться сюда, на нашу сторону. И часто лишь для того, чтобы, как он говорил, еще раз взглянуть на русских братьев и узнать, скоро ли они освободят и его родное село.

— Риск, конечно, есть, — пожимая плечами, говорил дед Зенько в ответ на мои вопросы, — да ведь и терпенья больше нет. Вот и посылают меня односельчане: сходи, мол, поторопи Советскую Армию, да узнай, не нужно ли чем помочь.

В те дни мы готовили группу разведчиков к рейду по фашистским тылам, нащупывая наиболее подходящий участок для проникновения в глубину расположения вражеских войск. Этим была занята группа офицеров штаба, которая во главе с А. С. Дмитриевым вот уже более суток находилась на наблюдательном пункте и, как говорится, не спускала глаз с переднего края противника.

Дед Зенько сразу разрешил все наши сомнения. Узнав назначенный маршрут разведки, он решительно заявил:

— Я поведу. Тут тропка есть в горах, как раз туда выведет. Да и мне по ней возвращаться сподручно. И ни одного немца не встретим. Ему туда нет дороги.

Так дед Зенько стал проводником группы наших разведчиков. Возглавил ее уже упоминавшийся капитан Коротков. Из многих, кто вызвался пойти в опасный рейд, он выбрал четверых солдат своей разведроты. Это были пулеметчик Мартынюк, сапер Михаил Мельник и связисты братья Владимир и Павел Марчуки. И не только потому, что они были самыми отважными. Решающую роль при отборе сыграло то, что каждый из них успел хорошо заучить несколько десятков общеупотребительных фраз на венгерском и словацком языках. Это весьма пригодилось им в тылу врага.

Пятеро разведчиков засели за карту, на которой был обозначен их маршрут. Теперь они изучали его при помощи объяснений своего будущего проводника, отлично знавшего всю округу, каждую тропку в горах, каждый речной брод.

Ночь на 7 января выдалась темная, что называется, ни зги не видать. Но дед Зенько уверенно повел разведчиков к ущелью, вернее, к узкой щели между высотами 836 и 678. Маленький отряд Короткова был вооружен автоматами и гранатами и имел рацию. Справа и слева от него двигались группы прикрытия. Дойдя до заранее намеченного места, они остановились в ожидании условного сигнала ушедших вперед разведчиков.

А вот и радиосигнал. Он означал, что отряд Короткова, не замеченный фашистами, благополучно проник в их тыл.

Дед Зенько оказался отличным проводником. Он не только провел разведчиков по тайной тропе, но и помог им выйти на кратчайшую дорогу к Кошице. Более того, когда у села Богдановце группе Короткова преградила путь река Олшава, старый крестьянин постарался избавить разведчиков от «купанья» в ледяной воде.

— Замерзнете, а обогреться некогда, — назидательно сказал он. — Сделаем по-другому...

Село было совсем рядом, и дед Зенько через несколько минут привел оттуда двух лошадей. На них разведчики по очереди и переправились на противоположный берег.

Вскоре с помощью деда Зенько и других таких же бесстрашных добровольных помощников мы проложили и другие пути в тыл противника. К середине января у нас уже была налажена систематическая доставка разведывательных сведений. Это и оказало решающее влияние на развернувшиеся вскоре события.

То были дни, когда только что созданная ударная группа войск 18-й армии вела ожесточенные бои, стремясь прорваться к городу Кошице. Начав 12 января наступление с юго-запада в направлении Мольдова—Нижний Тейкош, она, однако, сумела за пять дней овладеть лишь первым из этих двух населенных пунктов, а также деревней Мокранце. При этом ей удалось перерезать железную и шоссеиную дороги, ведущие от Кошице на запад. Но дальше продвинуться она не смогла, так как против-

ник усилил огневое сопротивление и контратаки силами пехоты и танков¹.

Именно тогда наша разведка начала доносить об изменениях в составе вражеских войск, противостоявших укрепленному району. В целом сведения сводились к тому, что противник явно уменьшал плотность своей обороны и перебрасывал часть сил поближе к Кошице. Это подтвердили захваченные 15 и 16 января в плен солдаты 207-го горнострелкового полка. Выяснилось, что значительная часть этого полка снята с оборонительных позиций. На одном из участков, занятом раньше двумя батальонами, теперь остался один.

Все это могло означать лишь одно: гитлеровское командование спешно перегруппировывало свои войска. Видимо, оно поняло замысел операции 18-й армии, состоявший в том, чтобы ударом с юго-запада создать угрозу окружения кошицкого плацдарма. Противник, несомненно, принимал в расчет и начавшееся 12 января наступление 40-й армии и входившей в ее состав 4-й румынской армии на Рожняву. На этих двух направлениях он и концентрировал силы, снимая их с участков, которые считал неактивными.

Стало ясно, что к числу таких участков немецкое командование отнесло и наш. А так как это был грубый просчет, то нам оставалось лишь воспользоваться им и нанести удар там, где враг меньше всего ожидал его.

Как всегда в таких случаях, я посоветовался прежде всего с Н. Н. Калининым и А. С. Дмитриевым. Начальник политотдела и начальник штаба также считали, что изменившаяся обстановка была благоприятной для начала активных действий войск укрепленного района. Такое же мнение единодушно высказали командиры частей на состоявшемся в тот же день оперативном совещании.

Принятое мною решение основывалось на том, что в изменившихся условиях можно было вывести один батальон в резерв укрепленного района, а оборонять свою полосу остальными шестью, причем даже неполными. Каждый из них получил приказ создать собственный резерв в составе не менее двух рот и подготовить их к маневру.

Конечно, потребовалось принять меры для того, чтобы в условиях уменьшившейся плотности нашей обороны не допустить возможного прорыва даже мелких групп противника — разведывательных или диверсионных. Для этого оборону построили в виде крупных опорных пунктов, а в промежутках между ними установили непрерывное патрулирование на лыжах, верхом и на подводах.

¹ Архив МО СССР, ф. 371, оп. 6367, д. 528, лл. 1—30.

И в этом помогли крестьяне окрестных деревень. Они показали нам все места в горах, где мог пройти враг. Там было организовано неослабное наблюдение. Благодаря этому все попытки фашистских разведчиков проникнуть в наш тыл — а их было немало — окончились безуспешно.

Местное население предоставило нам и приспособленные к горным условиям средства передвижения — верховых лошадей и легкие санки, выделило проводников и создало команды добровольцев-лыжников, которые успешно действовали в составе всех выведенных в резерв и готовившихся к наступлению подразделений.

Тем временем события на фронте развивались так.

17 января с утра ударная группа 18-й армии предприняла еще одну попытку овладеть городом Кошице, но вновь встретила яростное сопротивление. Напряженный бой длился весь день, так и не принеся успеха наступающим.

Тогда с целью облегчить их задачу внезапно атаковал врага наш сосед — 237-я стрелковая дивизия. Прорвав фашистскую оборону в районе Сеньи, она вышла на рубеж Гинев, Белжа, Крайцер, Бочар. Но здесь была контратакована немецкой горноегерской дивизией, поддержанной 25 танками.

После тяжелого шестичасового боя 237-я дивизия не только приостановила наступление, но и вынуждена была оставить Крайцер. К вечеру отошла на исходные позиции и ударная группа армии¹.

Наступила ночь на 18 января, которой суждено было стать началом наступательных действий частей укрепрайона в направлении Кошице.

Началось с того, что командиры 491-го и 496-го батальонов майор Сергей Яковлевич Нарыков и капитан Михаил Дмитриевич Староверов, выполняя задание штаба укрепленного района, выслали по одной роте в ночной поиск. Рота 491-го батальона подошла вплотную к населенному пункту Сланец. Ее командир старший лейтенант Иванов узнал от местных жителей, что это село, являвшееся крупным опорным пунктом в обороне немцев, сейчас занято небольшим гарнизоном — не более взвода. Остальные подразделения противник накануне днем отвел в сторону Кошице.

Иванов счел обстановку благоприятной для активных действий. Но так как проверять данные о численности противника на этом участке не было времени, он решил атаковать совместно с соседней ротой 496-го батальона. И тут же связался с ней. Два командира быстро договорились о взаимодействии.

К двум часам ночи роты обошли и обложили Сланец. Почти сразу же один из взводов был обнаружен вражеским пулемет-

¹ Архив МО СССР, ф. 371, оп. 6367, д. 528, лл. 53—54.

чином, дежурившим у околицы. Фашист уже начал было разворачивать пулемет, чтобы открыть огонь. Но не успел. Помешал ему двигавшийся впереди взвода головной дозор. Боец И. П. Шармор забросал гитлеровца гранатами.

Завязался короткий ожесточенный бой. В нем особенно отличился пулеметчик Сорочаев. Будучи тяжело ранен и истекая кровью, он продолжал вести огонь до тех пор, пока наши роты не овладели селом. Уцелевшая от разгрома часть гарнизона сдалась в плен.

Момент был весьма подходящим для осуществления наших намерений. Майору Нарыкову и капитану Староверову было приказано ввести в бой все резервы и успех поиска развить в наступление с целью прорыва оборонительной полосы противника. Для руководства этими действиями в Сланец выехал начальник оперативного отдела штаба укрепрайона майор Григорьев, туда же выдвинулся резервный 361-й батальон капитана Субелдани. За ним шли две роты — резерв командира 500-го батальона майора Сотникова.

Договорившись о взаимодействии с соседом справа — 318-й стрелковой дивизией, я немедленно доложил обо всем этом командующему 18-й армией. Генерал-майор Антон Иосифович Гаспилович, выслушав подробный доклад, утвердил принятое мной решение и одобрил проведенные мероприятия. Он разрешил и в дальнейшем действовать силами укрепленного района с целью прорыва всей оборонительной полосы противника.

Бросив в бой резервы остальных батальонов, мы к рассвету 18 января прорвали первую оборонительную полосу немцев на всю ее глубину и вышли ко второй — на линию Сланчик, гора Верхедь, Ракошь, Нижня Мишля.

Тем временем капитан Коротков, действовавший со своей ротой впереди батальонов, разведаль эту полосу. Выяснилось, что и она занята сравнительно небольшими вражескими силами, но все же одних лишь резервных подразделений недостаточно для ее прорыва.

А прорывать ее нужно было немедленно, пока вражеское командование не начало подбрасывать сюда подкрепления. Тем более, что, взломав и здесь оборону противника, мы получили бы возможность выйти непосредственно к городу Кошице.

Опять состоялся наш неизменный «совет трех». Начальник штаба полковник А. С. Дмитриев и начальник политотдела полковник Н. Н. Калинин поддержали предложение снять с обороны еще часть сил и бросить их для прорыва второй укрепленной полосы гитлеровцев. Тут же связались с командующим армией и получили его согласие.

С этого момента наши батальоны начали безостановочное движение вперед. Одновременно и соседние 318-я и 237-я стрел-

ковые дивизии перешли в наступление, прикрывая фланги атакующих частей укрепленного района.

В то же утро пулеметно-артиллерийские батальоны, преодолев упорное сопротивление врага, с боями вышли на левый берег реки Олшовы. К 14 часам 491-й, 493-й и 496-й батальоны овладели расположенными здесь населенными пунктами Бологод, Русков и знакомым нам по рассказам разведчиков селом Богдановце, где дед Зенько добывал для них лошадей.

Одновременно форсировал эту реку и занял селение Нижня Мишля на ее правом берегу 500-й батальон. Его успех использовал 20-й. Продвинувшись вперед, он выбил противника из села Ждана и переправился через реку Горнад, с которой мы уже встречались в Венгрии, где ее называют Хернад.

К 18 часам тот же 20-й батальон захватил участок отсечной позиции в районе Геча и вышел в тыл второй оборонительной полосы немцев. Слева и справа от нас продвигались 237-я и 318-я стрелковые дивизии. Первая к 14 часам овладела Хамиской, а передовые части второй к 15 часам выбили врага из Свиницы.

На рассвете 19 января батальоны укрепленного района форсировали реку Скварош. 500-й и 20-й, которые еще накануне переправились через Горнад, к 7 часам утра с боем овладели селением Полянка и станцией Опочка.

Далее наступление развивалось не менее успешно. 500-й батальон первым ворвался в Кошице со стороны села Здоба, а вслед за ним и 20-й, наступавший со стороны станции Опочка. В 12 часов дня они достигли центра города и здесь вскоре соединились с частями 318-й и 237-й стрелковых дивизий, совместно с нами освобождавшими Кошице. Противник поспешно отступил на запад¹.

Хочу еще раз подчеркнуть, что успешное участие батальонов укрепрайона в освобождении Кошице было обусловлено в значительной мере обстановкой, сложившейся в результате наступления Советской Армии как на этом, так и на других участках советско-германского фронта.

То было время, когда неотвратимо приближался бесславный конец гитлеровской Германии. Но фашисты еще обладали крупными силами. И везде, где могли, они отчаянно сопротивлялись натиску Советской Армии. Особенно напряженными были бои на участках, где противник пытался отстоять подступы к границам Германии, — на побережье Балтики, в Польше, Венгрии и Чехословакии.

Но исход этих сражений был неизменно в нашу пользу.

В январские дни, о которых здесь идет речь, мощные удары по врагу нанесли 1-й, 2-й и 3-й Белорусские и 1-й Украинский

¹ Архив МО СССР, ф. 371, оп. 6367, д. 528, лл. 3, 10, 19, 50—63.

Вручение наград воинам 159-го укрепрайона в Высоких Татрах

фронты в Восточной Пруссии, между Вислой и Одером. Это — справа от нашего 4-го Украинского фронта. Слева же 3-й Украинский фронт участвовал в отражении контрударов, пмевших целью прорвать кольцо окружения, сомкнувшееся вокруг будапештской группировки немецко-фашистских войск, а правым своим крылом наступал на юге Словакии, взаимодействуя с 4-м Украинским фронтом.

Активное участие во всех этих боевых действиях принимали полевые укрепленные районы. Их войска проявили высокую отвагу в наступлении и подлинный героизм в оборонительных боях.

Ордена Красного Знамени был удостоен 152-й укрепленный район, части которого вместе с полевыми войсками 3-го Белорусского фронта захватили плацдарм на западном берегу озера Ягоднер. В дальнейшем батальоны укрепрайона участвовали в овладении городами Вормдитт и Мельзак, а позднее содействовали захвату одного из наиболее мощных центров вражеского плацдарма в районе Мазурских озер — городом Летценом¹.

Более подробно хочется рассказать о январских боях 1-го гвардейского укрепленного района, на долю которого вышло тяжелое испытание во время третьего контрудара противника в районе озера Балатон.

¹ См.: Архив МО СССР, ф. 152 Ур, оп. 168724, д. 4, лл. 1—12.

Из Югославии, где войска этого укрепрайона отличилась при взятии городов Княжевец и Ниш, их перебросили на автомашинах в Венгрию. В канун Нового года они заняли рубеж: высота 202, опушка леса Орегердо, Балатонфекайяр, Лепшень, юго-восточный берег озера Балатон.

Силы и средства укрепрайона были невелики — пять пулеметно-артиллерийских батальонов, усиленных семью танками и пулеметной ротой 3-го мотополка. Протяженность же занятой им полосы по фронту составляла 55 километров, в том числе ее сухопутной части — 20. Оборудование рубежа оставляло желать лучшего: сплошных линий траншей не было, на переднем крае заминировали лишь отдельные участки, так как не хватило мин, проволочные препятствия прикрывали меньше трети рубежа — шесть километров¹.

В результате оборону пришлось вытянуть в одну линию глубиной полтора—два километра. На сухопутном ее участке в среднем на километр фронта приходилось всего лишь 27 орудий (почти половину их составляли 45-миллиметровые, остальное — 76-миллиметровые), 1,4 миномета, 8 станковых и ручных пулеметов, 4 противотанковых ружья с одним комплектом боеприпасов².

Все это было терпимо до тех пор, пока укрепрайону противостоял только 54-й полк 28-й венгерской дивизии. Правда, невдалеке, в районе Акаратья, имелись части 5-й танковой дивизии и дивизии СС «Викинг», которые не столько поддерживали венгерский полк, сколько удерживали его на фронте.

Но так было до 15 января. Ибо именно здесь немецкое командование решило нанести свой третий контрудар, о котором сказано выше. Сведения об этом поступали с 7 января почти ежедневно. В ночь на 15 января их подтвердили венгерские солдаты, которые в количестве более 200 человек перешли на сторону Советской Армии. Они назвали даже дату готовящегося наступления — 17 января³.

И все же меры по усилению обороны укрепрайона не были приняты. Замечу, что это обстоятельство не укрылось от внимания историков, ныне исследующих ход вооруженной борьбы с гитлеровской Германией. Они вполне справедливо пишут, что командование 4-й гвардейской армии тогда неправильно оценило замыслы врага. Но объясняют это тем, что «противник умело и скрытно подготовил наступление, введя в заблуждение» командование наших войск⁴.

¹ См.: Архив МО СССР, ф. 1 гв. Ур, оп. 169143, д. 3, лл. 134—135.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См.: «История Великой Отечественной войны. 1941—1945», т. 4, стр. 401.

Между тем уже в ночь на 16 января появились признаки, подтверждавшие сведения о намерениях противника: усилилась его огневая активность, заметнее стали передвижения во вражеском тылу. Следующей ночью впервые не пришел ни один перебежчик — это определенно свидетельствовало о смене частей. Наконец, в ночь на 18 января был явственно слышен гул множества моторов. Кроме того, ни одной разведгруппе укрепленного района на этот раз не удалось достичь даже переднего края противника, что говорило о большей плотности сосредоточенных там войск¹.

Так что об «умелой и скрытной подготовке» вряд ли можно говорить.

Напротив, все предвещало вражеское наступление. Укрепленный район попытался сорвать его, произведя два артиллерийских налета на районы Чагя и Акаратья, где сосредоточивались силы противника. Но, израсходовав 350 снарядов, орудия умолкли. Большого укрепления не мог выделить для этой цели.

18 января в 6 час. 20 мин. до трех батальонов фашистской пехоты отдельными отрядами атаковали позиции укрепления. Встреченные автоматным и пулеметным огнем, они залегли и начали окапываться. Последовала 30-минутная артиллерийская подготовка противника.

В 7 часов враг перенес огонь в глубину обороны, одновременно атаковал передний край двумя полками пехоты с 80 танками. Двадцать пять из них ринулись на правофланговый 11-й батальон, шесть — на 10-й, двадцать — на 9-й, восемнадцать — на 2-й, двенадцать танков и четыре бронетранспортера — на 8-й батальон.

Завязались ожесточенные бои.

В центре, на участках 9-го и 2-го батальонов, враг не добился успеха. На первом из них за полтора часа было отбито семь атак. 2-й батальон подбил два танка артиллерией, еще два подорвались на минах. Остальные остановились, продолжая вести огонь. К ним подошли восемь бронетранспортеров и высадили до батальона пехоты с саперами. Последовала новая яростная атака, но и она была отбита.

Пехоте противника пришлось залечь, а его саперам не удалось обезвредить минные поля. Тем временем 2-й батальон уничтожил еще два танка и несколько бронетранспортеров и вскоре вынудил вражескую пехоту отойти.

Хуже обстояло дело на флангах.

Шесть атак в течение двух часов отбил 11-й батальон. Два танка были подбиты на участке 10-го. Но на стыке между ними остальные четыре ворвались в населенный пункт Шандорку и

¹ См.: *Архив МО СССР, ф. 1 зв. Ур, оп. 169143, в. 3, лл. 28—135; в. 4, лл. 2—6.*

при поддержке действовавшей слева группы танков и пехоты подавили огневую систему и вышли в тыл обоих батальонов.

На участке левофлангового 8-го батальона уже в начале атаки были уничтожены два танка и бронетранспортер. Однако восемь танков ворвались на передний край второй роты и начали ее обходить. Три из них удалось подбить, но остальные пять вышли в тыл роты, вынудив ее вести бой перевернутым фронтом.

Командование укрепрайона не могло оказать существенного воздействия на ход сражения, так как имело крайне незначительный резерв — пулеметно-артиллерийскую, пулеметную и танковую роты. У командира же 135-го стрелкового корпуса также не было такой возможности, поскольку в составе этого соединения, кроме 1-го гвардейского укрепрайона, имелась лишь одна стрелковая дивизия — 252-я, причем два ее полка располагались севернее участка вражеского прорыва.

К 9 часам утра противник ввел в бой главные силы. Перед фронтом укрепрайона развернулось более 150 танков.

До тридцати из них десять минут спустя ворвались на передний край, смяв боевые порядки второй и четвертой рот 11-го батальона. 45-мм орудия не смогли причинить вред «тиграм», лишь сержанту Смирнову удалось подбить один из них. Дальше, в глубине обороны, враг был встречен огнем 76-мм орудий, который оказался весьма эффективным. Расчеты Ширяева и Бурмана сразу же подбили по два танка, Гривы — три.

Но вслед за первым эшелоном «тигров» шел второй. На предельной скорости ворвался он в боевые порядки батальона. Командиры орудий Грива и Ширяев опять подожгли два танка, но тут же надвинулись еще пять. Под обстрелом оказался и командный пункт батальона. Комбат капитан Балыбин был тяжело ранен.

Сильный удар пришелся и по участкам 9-го и 2-го батальонов в районе шоссе Акаратья—Эннинг, а также высот 176 и 119. Сюда противник бросил свыше 100 танков. Из Балатонкенеше непрерывно подходили машины, высаживавшие пехоту.

9-й батальон отбил атаку, уничтожив 13 из 30 шедших на него танков и отрезав от них пехоту. Три последовательные атаки отразила вторая рота 2-го батальона. Но в неравной борьбе с батальоном пехоты и 15 танками она понесла большие потери и поэтому вынуждена была отойти во вторую траншею.

Тогда и прорвались сюда вражеские танки. В результате им удалось с флангов атаковать соседнюю четвертую роту, а затем и окружить ее. Вторая рота избежала этой опасности, загнув свой фланг.

К 11 часам битва в полосе укрепленного района и соседнего полка 252-й стрелковой дивизии достигла наивысшего напряже-

ния. На поле боя действовало 280 танков и штурмовых орудий противника.

Мужественно оборонялись воины 10-го батальона. В районе Шандорки противник в течение пяти часов трижды атаковал их двумя батальонами пехоты при поддержке 16 танков, но безуспешно. Почти вся вражеская пехота была уничтожена метким пулеметным и минометным огнем. Большие потери нанесли ей и электрозаграждения, находившиеся как раз на этом участке.

Однако к 16 часам 10-й батальон оказался во вражеском полукольце и, выполняя приказ командования укрепрайона, отступил в направлении Мезосентдьерди. Еще в полдень отошли к востоку и остатки 11-го батальона.

Героически сражались солдаты, сержанты и офицеры 2-го батальона, против которых противник бросил две тысячи пехотинцев и сто танков. Фашистам пришлось неоднократно повторять атаки, и каждый раз советские воины выводили из строя по несколько танков, отрезали от них пехоту пулеметным огнем.

В жестокой схватке с врагом не дрогнул ни один.

Сержант Фесенко, оставшись один у орудия и будучи ранен, продолжал вести огонь по танкам. Когда же несколько гитлеровцев окружили его, намереваясь взять в плен, он уничтожил их меткими выстрелами из винтовки.

Сержант Дебельский, тоже раненный, подполз к вражескому «тигру» со связкой гранат и подорвал его, погибнув смертью героя. Командир батареи старший лейтенант Скворцов, увидев, что весь расчет 76-мм орудия выведен из строя, немедленно бросился к нему и один вел огонь, успев подбить еще два танка.

Пять часов вели неравный бой роты этого батальона. К 16 часам они потеряли все огневые средства. Лишь после этого противнику удалось овладеть их позициями и ворваться в Балатонфекайяр, завязав уличные бои.

Добавлю, что армейские резервы были приведены в движение уже через два часа после начала наступления. Причем переданные в распоряжение командования укрепрайона полки — истребительно-противотанковый и самоходноартиллерийский — прибыли вскоре после полудня.

Первый из них появился в районе боев в 13 часов. Обстановка же к тому времени была такова, что в спешке, на виду у противника и под его огнем артиллеристам не удалось даже выбрать подходящие позиции и организованно занять их. В коротком бою вражеские танки подавили артиллерию истребительного полка. Наконец, авиация противника непрерывно воздействовала на боевые порядки батальонов.

Наши штурмовики появились над полем битвы в 16 час. 30 мин. Но к этому времени оборона была прорвана во всей полосе укрепрайона. Подразделения его батальонов еще несколько часов вели бой разрозненными, изолированными одна от другой

группами, без поддержки артиллерии. В ночь на 19 января они начали выходить в район Томаши. Туда же прибыло управление укрепрайона.

Потери в его частях были велики — свыше двух третей личного состава. Противник же за день боев понес еще более значительный урон. Он потерял только убитыми тысячи солдат и офицеров. Было уничтожено 60 его бронетранспортеров и 124 из 560 танков и штурмовых орудий, участвовавших в наступлении¹.

Этот вражеский контрудар привел в последующие дни к тому, что войска 3-го Украинского фронта были расчленены на две части. Цель противника заключалась в том, чтобы прорвать кольцо окружения будапештской группировки немецко-фашистских войск, деблокировать ее и объединенными силами уничтожить сначала 46-ю и 4-ю гвардейскую армии, а затем и 57-ю, восстановив свою оборону на Дунае².

Однако планам гитлеровского командования и здесь не суждено было осуществиться. Мощными ударами советских войск враг был остановлен к исходу 26 января, а в последующие дни отброшен.

Итак, сопоставив даты, можно увидеть, что наступательные действия нашего 159-го укрепрайона и других соединений 18-й армии происходили в то время, когда и на всех остальных участках советско-германского фронта наши войска вели крупные операции завершающего этапа войны. Гитлеровское командование предпринимало лихорадочные попытки остановить натиск советских войск, организуя ожесточенное сопротивление, а кое-где и контрудары.

Но нехватка необходимых для этого сил и средств становилась все более катастрофической. Поэтому фашисты то и дело перебрасывали с участка на участок свои таявшие с каждым днем войска. Так было и в целом на всем советско-германском фронте и, в частности, на чехословацкой земле, которую тогда начала освобождать Советская Армия.

Не удивительно, что в этих условиях и в полосе нашего укрепрайона наступил какой-то момент, когда вражеская оборона оказалась ослабленной. Это было вызвано, как я уже отмечал, и тем, что противник, считая данный участок «неактивным», снял с него часть своих войск для обороны кошицкого плацдарма на других направлениях.

Следовательно, нам оставалось уловить именно этот момент. Вот тут и сказалась вся та кропотливая и нелегкая работа по организации глубокой разведки, которую мы вели с первого

¹ Архив МО СССР, ф. 1 гв. Ур, оп. 169143, д. 4, лл. 8—9.

² Архив МО СССР, ф. 243, оп. 2900, д. 1572, лл. 53—54.

дня на новом рубеже, а также огромная помощь местных жителей, ставших в полном смысле слова нашими «глазами и ушами» в тылу врага.

И еще нужно было заранее подготовиться, да так, чтобы в нужный час мы могли нанести удар как раз там, где он принесет наилучший результат. Требовалось также правильно распределить силы для обороны и атаки, а когда наметился успех — бросить в прорыв все свои войска. Наконец, весьма существенным делом было четкое взаимодействие с соседями справа и слева — стрелковыми дивизиями.

Все эти задачи были отлично выполнены батальонами укрепления района. В итоге мы с минимальными потерями прорвали оборону противника и выбили его из города Кошице. Наше наступление на 60-километровом участке слилось с крупными наступательными операциями, начатыми тогда 1-м Украинским совместно с правым крылом 4-го Украинского, а также войсками 2-го Украинского фронта, угрожавшими лишить гитлеровцев последней коммуникации в тылу их кошицкой группировки. Это и вынудило противника покинуть Кошице и весь кошицкий укрепленный плацдарм¹.

¹ Архив МО СССР, ф. 371, оп. 6367, д. 528, лл. 10, 19, 30, 50—65.